

УДК 37.014.5 (571.6)

UDC

DOI: 10.17223/18572685/50/6

УКРАИНИЗАЦИЯ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ СССР (1922–1930 гг.)*

Н.И. Наумова

Томский государственный университет

Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36

E-mail: tomnin@yandex.ru

Авторское резюме

В последние десятилетия значительное внимание в исследованиях российских и зарубежных историков (в том числе украинских) уделялось политике советской власти в решении национального вопроса в 1920-е гг. Составной частью исследований стали украинский вопрос, формирование украинской государственности, государственная политика в области национальной культуры. В национальной политике советской власти по отношению к украинцам можно выделить два направления. Первое направление – украинизация в экономической, социальной, административной и культурной сферах на территории Украины как метод нациестроительства и создания советской национальной государственности. Второе направление – украинизация за пределами страны украинского национального меньшинства в республиках и областях Советского государства. Необходимо дальнейшее изучение содержательной части политики в сфере управления национальными процессами, удовлетворения интересов национальных меньшинств на разных этапах существования СССР. Большой исследовательский интерес представляет изучение механизма воплощения принципов национальной политики Советского государства и особенностей ее реализации в отдельных регионах. В статье рассматривается политика большевиков в 1920-е гг. на региональном уровне – на территории Дальнего Востока – в сфере образования, статуса украинского языка, реализации принципа равенства украинского населения при обучении в школах на родном языке. Анализируются процесс украинизации, его нормативная база, организационные структу-

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Правительства РФ П220 № 14.В25.31.0009.

ры, особенности учета интересов дальневосточных украинцев, кадровая политика в подготовке педагогов для украинских школ.

Ключевые слова: украинцы, Дальний Восток, образование, национальная политика, советская власть, украинизация.

UKRAINISATION IN THE SOVIET EDUCATIONAL POLICY IN THE FAR EAST OF THE USSR (1922–1930)*

N.I. Naumova

Tomsk State University
36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia
E-mail: tomnin@yandex.ru

Abstract

Over the last decades Russian and international historians (including Ukrainian) have been paying significant attention to the Soviet national policy in the 1920s. The Ukrainian issue, the formation of the Ukrainian statehood and the national culture policy have become an integral part of research. The Soviet national policy towards Ukrainians had two directions. The first was the Ukrainisation of the economic, social, administrative and cultural spheres in the territory of Ukraine as a method of formation of the nation and creation of Soviet national statehood. The second was the Ukrainisation of the Ukrainian national minority in republics and regions of the Soviet state and outside Ukraine. Further studies are needed regarding the policy in the sphere of national processes management and inclusion of interests of the national minorities during different stages of the USSR. It is of great scientific interest to study the mechanism for implementation of principles of Soviet national policy in different regions. The paper considers the regional policy of the Bolsheviks in the 1920s in the territory of the Far East from the perspective of education, the status of the Ukrainian language and implementation of equality of the Ukrainian population through teaching at schools using the Ukrainian language. The author analyses the process of Ukrainisation, its regulatory framework, organisational structures, inclusion of interests of the Ukrainians from the Far East and personnel policy in the preparation of teachers for Ukrainian schools.

Keywords: Ukrainians, Far East, education, national policy, Soviet rule, Ukrainisation.

* The research is supported by Grant of the Government of the Russian Federation P220 Nr. 14.B25.31.0009.

Дальний Восток в начале 1920-х гг. представлял собой многонациональный регион, где одной из самых больших по численности этнических групп являлись украинцы – 350 тыс. чел. (Нам 2009: 383). В середине 1920-х гг. количество украинцев в разных уездах варьировалось от 30 до 67 % (РГИА ДВ 1: 52; РГИА ДВ 2: 41), что определяло специфику политики местных властей в период процесса украинизации, включая школьное образование.

После окончания гражданской войны и утверждения советской власти в регионе стали реализовываться основные направления создания социалистического общества. Составной частью этого процесса была образовательная политика, основанная на ряде важных доктринальных установок. Они предполагали реформу школьного образования и содержания учебных планов, изменение организационных структур по его управлению. Образование стало объектом целенаправленной деятельности со стороны государства для интеграции национальных меньшинств в новую систему. Школы Дальнего Востока были включены в государственную сеть, в том числе национальные и религиозные (накануне 1917 г. в крае имелось около 200 церковно-приходских школ, где обучалось более 9 тыс. детей) (Стрюченко 1998: 123).

Реформу школьного образования обусловили экономические и политические факторы, которые определили развитие народного образования в соответствии с целями национальной политики. В этот процесс был включен Наркомпрос, создав свои структуры в центре и на местах.

Несмотря на трудности, стала формироваться единая система образования во всех регионах государства. Процессом школьного образования руководил Наркомпрос со специальным Советом по просвещению национальностей нерусского языка при коллегии Наркомпроса, созданный в 1921 г. На территории Дальнего Востока были сформированы свои управленческие структуры: национальные отделы всех уровней – от краевого до уездного, а также национальные секции в отделах образования. 1920-е гг. были особым периодом, когда Советское государство уделяло большое внимание процессам коренизации в национальных республиках и решению вопросов национальных меньшинств.

Одной из целей власти являлась реализация идеи равенства этносов в культурной, языковой жизни. Политика в национальном образовании основывалась на тех принципах, которые были провозглашены в Декларации прав народов России (равенство всех народов России, отмена национальных и религиозных ограничений, равенство языков), а также в Постановлениях Наркомпроса «Основные

принципы единой трудовой школы» от 16 ноября 1918 г., «О школах для национальных меньшинств» от 31 ноября 1918 г. и ряде других документов (Национальное 2002: 21–22). В законодательном акте впервые вводилось понятие «школа национальных меньшинств». Предполагалось, что принципы воспитания и обучения на родном (литературном) языке станут обязательными для всех, включая национальные меньшинства. Одновременно ставилась задача освобождения школы от влияния церкви. В соответствии с этим в регионах стала формироваться структура школ национальных меньшинств. Этот процесс сопровождался большими сложностями. На Дальнем Востоке, как свидетельствуют документы, целью украинизации являлось не только обучение родному языку, но и расширение его использования в различных сферах общественной жизни – в печати, в политико-просветительской работе.

Школы национальных меньшинств должны были открываться там, где имелось «достаточное количество учащихся данной национальности для организации школы». Количественная норма устанавливалась в 25 учащихся для одной и той же возрастной группы (Национальное 2002: 32–33). Трудно решался вопрос создания основ для собственной национальной культуры через родной язык. Об этом свидетельствуют документы, где раскрываются сложности украинизации на Дальнем Востоке. Особое внимание к школе определялось еще и тем, что она не только давала знания, но и формировала лояльность к государственной власти, ее политике. Составной частью процесса стала и ликвидация неграмотности украинского населения на Дальнем Востоке (РГИА ДВ 3: 79–80).

Местное партийное и советское руководство определило свою политику по отношению к национальным меньшинствам края. В августе 1923 г. состоялось совещание представителей губисполкомов и секретарей губкомов РКП(б) по вопросу о советском строительстве и партийной работе среди нацменьшинств и туземцев советского Дальнего Востока. Основная линия определялась как внимательное отношение к национальному вопросу, в сфере партийной и воспитательной работы – создание в местах с компактным проживанием нацменьшинств школ политграмоты на родном языке, в области «поднятия культурного состояния нацменьшинств и туземного населения – реорганизация национальных школ 1-й ступени в трудовые школы с учетом национально-бытовых особенностей» (Пак 2004: 188).

Для обеспечения украинизации школьного образования требовались помещения, учебники. Быстрому решению вопроса подготовки педагогических кадров должны были способствовать краткосрочные курсы. При Дальневосточном краевом отделе народного образова-

ния действовали в начале 1930-х гг. курсы по изучению украинского языка, на которых обучались не только украинцы, но и евреи, поляки, владевшие украинским языком в минимальной степени (вполне владеют украинским языком, говорят на украинском языке, немного говорят, как было записано в одном из документов) (РГИА ДВ 4: 79). К началу 1930 г. действовал ряд учебных заведений по изучению украинского языка и подготовке кадров народного образования. В частности, в Благовещенске родному языку обучалось 90 учащихся (60 из них были зачислены в пединститут), в Никольск-Уссурийске – 40, в Спасском – 120 (РГИА ДВ 5: 46).

Власть предъявляла особые требования к педагогам: проявлять лояльность, иметь минимум политических знаний. Все это содержалось в специальной «карточке просвещенца», которая включала более 60 вопросов. Кандидаты в педагоги отвечали на вопросы о том, где они работали до 1914 г., в 1914 г., перед Октябрьской революцией, после Октябрьской революции, с 7 ноября по июнь 1918 г., с июля 1919 г. по январь 1920 г., с февраля 1920 г. по май 1921 г., с июня 1921 г. по октябрь 1922 г., с ноября 1922 г. по июль 1923 г. Требовалось ответить, служили ли они в царской армии, Красной армии, Белой армии или какой-либо другой армии, являлись ли членами профсоюза, общественной организации, политической партии, какую религию исповедовали. Одновременно они должны были продемонстрировать знания в рамках политграмоты. Часть вопросов была посвящена раскрытию отношения к советской власти, религии, методам работы в советской трудовой школе, целям и методам воспитания. Кроме того, следовало ответить на вопрос о сущности диктатуры пролетариата, революции, гражданской и империалистической войн. Судя по ответам, будущие педагоги демонстрировали классовый подход к оценке общественной жизни, новой системе ценностей. Знакомство с ними происходило в таких работах, как «Азбука коммунизма» и «Учебник политграмоты». Ответы свидетельствовали об усвоении преподавателями «основ коммунизма». В одной из карточек, в частности в ответе о сущности диктатуры пролетариата, было сказано, что «диктатура пролетариата – особый способ управления», «чтобы подавить всякие попытки буржуазии к эксплуатации, жить за чужой счет, чтобы произвести экономический переворот» (РГИА ДВ 6: 44–47).

Местные органы народного образования контролировали деятельность учителей, требовали от них участия в мероприятиях, посвященных революционным событиям (РГИА ДВ 7: 5). В политизированное воспитание включались ученики. Этому способствовало учреждение новых праздников: дня памяти Ленина (24 января); дня рождения Ленина, вождя пролетарской революции (22 апреля); Февральской

революции; Парижской коммуны; Ленским событиям 1912 г., которые стали толчком к пролетарскому движению. От учащихся требовалось знание и пение «Интернационала» (РГИА ДВ 7: 7 об.).

Процесс украинизации школ включал изучение национального состава населенных пунктов края с тем, чтобы затем приступить к формированию украинских школ. Проблемы необходимо было решать в конкретной этнокультурной ситуации края, где велико было значение русского языка, образования на нем. Все это влияло на сроки выполнения решений Наркомпроса по украинизации школьной и просветительской деятельности.

Перевод на украинский язык оказался достаточно медленным даже на самой Украине, поскольку не все население и руководство республики приветствовали это. Тем более что требовалась дополнительная работа по языковой стандартизации украинского правописания. Только в сентябре 1928 г. Совет народных комиссаров Украинской республики издал постановление об утверждении правил украинского правописания, которые были разработаны на основе компромисса между центральноукраинской и западноукраинской лингвистическими школами (Борисенок 2006: 191). Неопределенность норм украинского языка создавала свои сложности в обучении украинцев, в том числе и на Дальнем Востоке.

В августе 1925 г. Совет по просвещению национальностей нерусского языка при коллегии Наркомпроса в письме в Приамурский отдел народного образования подвел некоторые итоги деятельности и отметил, что процесс создания просветительных учреждений нацменьшинств «не закончился», непрерывно шел перевод школ на родной язык. Но было отмечено неблагополучие с «сетью школ украинских, мордовских, белорусских», которые в силу ряда обстоятельств «позже других перешли к родному языку». Подчеркивалась сложная ситуация с культурно-просветительными учреждениями, поскольку «большое количество их не переведено на материнский язык». Совет определял перспективы деятельности. 1925/1926 учебный год был «должен пройти под знаком подготовки к построению пятилетнего перспективного плана развертывания дела просвещения национальностей нерусского языка». Чтобы этот процесс не был сорван, от губоно совет требовал «точных сведений об учреждениях национальных меньшинств по всем видам работы» (виды организаций каждой из групп национальных меньшинств, отдельно по каждой школе, все виды кружков, секций, отделений) (РГИА ДВ 8: 1–1 об.).

Украинизация школ была предметом обсуждения в Далькрайкоме ВКП(б), Далькрайисполкоме, краевом отделе народного образования, на конференциях представителей отделов народного образования.

Во всех документах отмечалось значение воли и желания населения по введению украинского языка обучения. В октябре 1925 г. 5-е Дальневосточное краевое совещание заведующих отделами народного образования в резолюции по работе среди украинского населения наметило следующий план: приступить «к всестороннему изучению вопроса о целесообразности и возможности перевода в некоторых районах школьной и политико-просветительной работы на украинский язык». Предполагалось разработать вопрос о продолжительности курса обучения в школах нацменьшинств и организации при отделе народного образования совета национальных меньшинств» (РГИА ДВ 9: 66).

Дальневосточный краевой исполнительный комитет в июне 1926 г. рассматривал проект постановления по вопросу о работе по народному образованию среди украинского населения. В нем содержался анализ проделанной работы и делался вывод о недостаточной изученности украинизации всех частей края. Опыт организации 22 украинских школ в Хабаровском уезде и 9 школ в Амурской губернии, созданных в 1921 г., показал, как было сказано в документе, что «эти школы, открытые без достаточно глубокого изучения всех условий их существования, не могли пустить крепких корней в населении». В результате здесь «перешли на русский язык сами собой, как только были упразднены украинские рады, насаждавшие сверху школы на украинском языке». Указывалось на те обстоятельства, которые усложняли переход на украинский язык: большое количество украинцев живет «чересполосно с другими народностями», некоторая часть украинцев «в значительной степени утратила украинский язык». А это означало, как было сказано в проекте постановления, «невозможность и нецелесообразность немедленного и сплошного перевода преподавания в школах для украинского населения на украинский язык» (РГИА ДВ 10: 38). Но не исключалась возможность «в некоторых отдельных случаях для отдельных селений, сохранивших целиком все украинское, разрешить вопрос о переводе школ на украинский язык положительно». Условием должно было стать «тщательное обследование украинского населения на местах, выявление условий его быта, языка, желаний». Указывалось, что решение зависело от конкретной ситуации. В проекте постановления изучение вопроса об украинизации школы возлагалось на парткомы и отделы народного образования. Руководить изучением украинского вопроса должен был один из ответственных партийных работников Дальнего. Одновременно выдвигалось требование о согласовании «руководящих указаний» по этому вопросу. И к 1 августу 1926 г. необходимо было представить «конкретный план перевода некоторых школ уже с

начала 1926–1927 г. на украинский язык». Рекомендовалось при разработке плана учитывать новых переселенцев-украинцев и учителей, которые могли преподавать на украинском языке (РГИА ДВ 10: 38).

В докладной записке Дальревкому в феврале 1926 г. заведующий Дальоно Л. Лобов перечислил мероприятия по изучению украинизации школ. Губернским и уездным инспекторам отделов народного образования были определены следующие задачи: изучить степень сохранения языка, быта, других национальных особенностей украинцев и отношение населения к этому вопросу. Инспектор Дальоно и уездный инспектор Никольск-Уссурийского отдела народного образования, знавший украинский язык, обследовали 10 деревень Михайловской и Черниговской волостей. Взрослое население в беседах отрицательно отнеслось к вопросу украинизации школ, назвав себя «перевертнями» и заявив: «Нас 20–40 лет передельывали, передельывать же снова нет смысла». Никто не изъявил желания обучать детей на украинском языке. В качестве инспектора Наркомпроса Л. Лобов побывал в украинских селах в Приморской губернии, опросил учителей, учащихся, крестьян, руководителей Приморского губоно, президиума Никольск-Уссурийского рика, представителей губкома, работников-украинцев. В результате он сделал вывод о том, что масса украинцев «в значительной мере обрусела и для нее не только нет необходимости в украинизации, но это практически нецелесообразно». Но не исключал «возможность в некоторых отдельных случаях для отдельных селений, сохранивших целиком все украинское, разрешать вопрос положительно» (Национальное 2002: 144–145).

В апреле 1927 г. Л. Лобов отправил секретный доклад Далькрайкому ВКП(б) о проделанной работе во исполнение постановлений Далькрайисполкома. Заведующих трех окружных отделов народного образования обязали под личную ответственность провести выборочное обследование 10–15 школ в местах компактного проживания украинцев.

К выявлению проблемы украинизации школ был привлечен Владивостокский окружной отдел народного образования для опроса населения Шмаковского, Шкотовского, Сучанского, Градовского районов, где компактно проживали украинцы. Материалы были представлены в органы народного образования. В них содержались школьные доклады, сообщения и беседы с делегатами съезда советов. На основании этого Владивостокский окружной отдел народного образования сделал заключение, что эти деревни имеют смешанное население с преобладанием выходцев из Украины. Но население говорило преимущественно «на великорусском наречии с примесью украинских слов, оборотов, предложений». В отчете было подчерк-

нуто стремление населения «к более свободному обладанию чисто великорусского наречия». Делался вывод о том, что украинизация школы «была бы искусственно навязана».

Амурский окружной отдел народного образования через 11 районных исполнительных комитетов выявил следующее. Шесть районных исполнительных комитетов (Ивановский, Хангано-Архаринский, Амуро-Зейский, Селемджино-Бурейский, Завитинский, Екатерино-Никольский) сделали вывод о нецелесообразности украинизации школ. Пять районных исполнительных комитетов не ответили. Итоги опросов (во время поездок на выборы сельских советов) заведующего округом Сенекина и инспектора Соснина выявили возможность украинизации школ на общих собраниях жителей, на заседаниях сельских советов. В селе Средне-Белом Ивановского района на заседании вновь избранного сельского совета, где были «исключительно украинцы», Соснин сделал доклад по украинизации школ. Сельсовет (34 члена и 5 кандидатов) вынес такое постановление: «После обмена мнениями решили, принимая во внимание, что почти все выходцы из Украины связи с таковой не имеют, переселились давно, дети же говорят смешанно на русско-украинском языке, украинизацию школ первой ступени нашего села считать невозможной». Аналогичное постановление по докладу Соснина внесло общее собрание граждан хутора Гусино-Озерского Ивановского района, где присутствовали 34 украинца. Коллегия Амурского окружного отдела народного образования, «заслушав доклад по украинизации школ в Амурском округе, принимая во внимание все данные по этому вопросу, постановила: украинизацию школ в Амурском округе считать невозможной и нецелесообразной».

Хабаровский окружной отдел народного образования (ОНО) обследовал несколько сел, входивших в состав трех районов (Покровка, Гоголевка, Звенигородка, Лермонтовка, Новокаменка, Дежневка, Екатеринославка, Тигровка, Дмитриевка). Исследование показало, что основное ядро переселенцев прибыло на Дальний Восток в 1906–1912 гг. из Полтавской, Харьковской, Киевской, Черниговской, Екатеринославской губерний. К моменту опроса выяснилось, что «язык и его правильность, бытовые особенности, жилище, утварь, обычаи и развлечения значительно изменились в сторону обрусения». В результате бесед «с отдельными крестьянами в избах-читальнях, в сельсоветах, на общих собраниях, в риках и школах выявлено полное отрицательное отношение к украинизации школ и весьма доброжелательное к русской». Таким образом, все три окружных ОНО, на территории которых проживало большинство украинцев, дали «отрицательное заключение по вопросу украинизации школ». Автор доклада подчеркнул, что результаты опроса были изложены

на 6-й Дальневосточной конференции заведующих отделами народного образования 27 марта 1927 г. С такими выводами делегаты не согласились. Конференция постановила, что применявшиеся методы изучения вопроса об украинизации школ были неудачными, вопрос следует считать неизученным и продолжить его изучение с привлечением широких слоев населения.

Автор доклада считал, что силами отдела народного образования этот вопрос невозможно изучить, поскольку необходимо охватить исследованием все украинские деревни края. Он указал на то, что для принятия «определенного решения о переводе части наших учебных заведений и политико-просветительных учреждений на украинский язык необходимо привлечение к этому делу широких общественных кругов и печати» (РГИА ДВ 11: 9–12).

В целом к концу 1929 г. во всей стране, по заключению Наркомпроса, не была закончена работа по переводу школ на родной язык у ряда национальностей, в том числе украинцев. В результате в большинстве школ (70–80 %) обучение на родном языке осуществлялось на первом году обучения, в 50 % – и на втором году обучения, и только в 5–10 % школ велась работа на родном языке полностью. Причины такого явления связывались с отсутствием советской и общественной работы на родном языке, перспектив обучения детей на этом языке в школах нового типа, в профтехнических учебных заведениях, а также с недостатком работников, знавших язык и бытовые особенности нацменьшинств, и отрицательным отношением к этому местной интеллигенции, в том числе «и части даже национального учительства». Властям рекомендовалось подходить к этой проблеме более широко. Проблема культурного роста нацменьшинств должна была рассматриваться не только как перевод школ на родной язык, но и перевод на родной язык всего «низового советского аппарата, всех общественных учреждений» (Национальное 2002: 173–175).

Однако такой подход, как свидетельствуют документы, не предполагал учета опыта украинских рад Дальнего Востока, опыта их деятельности в Дальневосточной республике по созданию украинских школ в 1917–1922 гг. В 1921/1922 учебном году было зарегистрировано 32 украинских класса с 1 026 учащимися в Прибайкальской, Амурской и Приамурской областях (Нам 2009: 403). Вся работа украинских рад была признана советской властью националистической, контрреволюционной, их руководители и активные члены были арестованы, а украинские организации распущены (Нам 2009: 409). Национальное самоуправление в области школьного образования оказалось для новой власти недопустимым, несмотря на то, что украинские организации способствовали расширению сети украинских школ.

Процесс украинизации в регионе включал в первую очередь культурный аспект (язык, расширение сферы его применения через культурно-просветительную работу). Практические меры по реализации курса требовали значительных кадровых и финансовых ресурсов. Масштаб поставленных задач оказался велик, возможности их решения в такой срок ограничены. Полученные результаты не оправдывали поставленных целей. Тем более что в 1930-е гг. была изменена национальная политика в образовательном процессе, ставка сделана на унификацию с обязательным использованием государственного русского языка и уменьшение преподавания на национальном языке.

ЛИТЕРАТУРА

Борисенок 2006 - *Борисенок Е.* Феномен советской украинизации. 1920–1930-е гг. М.: Европа, 2006. 256 с.

Нам 2009 - *Нам И.В.* Национальные меньшинства Сибири и Дальнего Востока на историческом переломе (1917–1922 гг.). Томск: Изд-во Том. ун-та, 2009. 496 с.

Национальное 2002 - Национальное образование в России: Концепции, взгляды, мнения. 1905–1938 гг. М.: ИНПО, 2002. Ч. II. 312 с.

Пак 2004 - *Пак Б.Д., Бугай Н.Ф.* 140 лет в России. Очерк истории российских корейцев. М.: ИВ РАН, 2004. 462 с.

РГИА ДВ 1 - Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (далее РГИА ДВ). Ф. 2413. Оп. 4. Д. 1767. Л. 52. Дальневосточный краевой исполнительный комитет г. Хабаровска, 1931 г.

РГИА ДВ 2 - РГИА ДВ. Ф. 2413. Оп. 4; Д. 1764. Л. 41. Украинское население в районах Дальнего Востока 1926.

РГИА ДВ 3 - РГИА ДВ. Ф. р-87. Оп. 1. Д. 808. Тезисы о политико-просветительной работе среди нацмен Приморья, 1924–1925 гг.

РГИА ДВ 4 - РГИА ДВ. Ф. р-2413. Оп. 4. Д. 1764. Список сотрудников ДВК «Союзмисо», выделенных на курсы по изучению украинского языка при ДКРНО, 1932 г.

РГИА ДВ 5 - РГИА ДВ. Ф. р-2413. Оп. 4. Д. 1764. Сеть украинских стационарных учреждений по подготовке кадров народного образования, начало 1930-х гг.

РГИА ДВ 6 - РГИА ДВ. Ф. р-87. Оп. 1. Д. 590. Карточка просвещенца (Брайко), 1923–1924 гг.

РГИА ДВ 7 - РГИА ДВ. Ф. р-87. Оп. 1. Д. 249. Годовой отчет заведующего Сучанской школы, 1923–1924 гг.

РГИА ДВ 8 - РГИА ДВ. Ф. р-87. Оп. 1. Д. 816. Совет по просвещению национальностей не русского языка при коллегии Наркомпроса, 1925.

РГИА ДВ 9 - РГИА ДВ. Ф. р-87. Оп. 1. Д. 305. V Дальневосточное краевое совещание завоно, окт. 1925 г.

РГИА ДВ 10 - РГИА ДВ. Ф. р-2413. Оп. 2. Д. 29. Постановление по вопросу о работе по народному образованию среди украинского населения, июнь 1926.

РГИА ДВ 11 - РГИА ДВ. Ф. р-2413. Оп. 2. Д. 152. Далькрайком ВКП(б) от заведующего Дальневосточным краевым отделом народного образования, 20 апреля 1927 г.

Стрюченко 1998 - Стрюченко И.Г. Культурное строительство и развитие культуры на Дальнем Востоке России (октябрь 1917–1922 г.) // Дальний Восток России в период революций 1917 г. и гражданской войны. Владивосток, 1998. С. 112–154.

REFERENCES

Borisenok, E. (2006) *Fenomen sovetskoy ukrainizatsii. 1920 – 1930-e gg.* [The phenomenon of Soviet Ukrainisation. The 1920-1930s]. Moscow: Evropa.

Nam, I.V. (2009) *Natsional'nye men'shinstva Sibiri i Dal'nego Vostoka na istoricheskom perelome (1917–1922 gg.)* [National minorities of Siberia and the Far East on the historical break (1917–1922)]. Tomsk: Tomsk State University.

Vladykina, V.A. (ed.) (2002) *Natsionalnoe obrazovanie v Rossii: Kontseptsii, vzglyady, mneniya. 1905 – 1938 gg.* [National Education in Russia: Concepts, views, opinions. 1905–1938]. Part 2. Moscow: INPO.

Pak, B.D. & Bugay, N.F. (2004) *140 let v Rossii. Ocherk istorii rossiyskikh koreytssev* [140 years in Russia. Essay on the history of Russian Koreans]. Moscow: RAS.

Russian State Historical Archive of the Far East (RGIA DV). (1931) *Dal'nevostochnyy kraevoy ispolnitel'nyy komitet g. Khabarovska, 1931 g.* [The Executive Regional Committee of the Far East, Khabarovsk]. Fund 2413. List 4. File 1767.

Russian State Historical Archive of the Far East (RGIA DV). (1926a) *Ukrainskoe naselenie v rayonakh Dal'nego Vostoka* [The Ukrainian population in regions of the Far East, 1926]. Fund 2413. List 4. File 1764.

Russian State Historical Archive of the Far East (RGIA DV). (1924–1925). *Tezisy o politiko-prosvetitel'noy rabote sredi natsmen Primor'ya, 1924–1925 gg.* [Thesis on political and enlightening activity among the Primoye minority in 1924–1925]. Fund r-87. List 1. File 808.

Russian State Historical Archive of the Far East (RGIA DV). (1923) *Spisok sotrudnikov DVK "Soyuzmyaso", vydelennykh na kursy po izucheniyu ukrainskogo yazyka pri DKRNO, 1932 g.* [The list of employees of the Far East industrial complex "Soyuzmyaso" who were sent to study the course of the Ukrainian language at DKRNO, 1932]. Fund r-2413. List 4. File 1764.

Russian State Historical Archive of the Far East (RGIA DV). (1930) *Set' ukrain-skikh statsionarnykh uchrezhdeniy po podgotovke kadrov narodnogo obrazovaniya,*

nachalo 1930-kh gg. [The network of permanent Ukrainian agencies on preparation of personnel for public education at the beginning of the 1930-s]. Fund r-2413. List 4. File 1764.

Russian State Historical Archive of the Far East (RGIA DV). (1923–1924a) *Kartochka prosveshchentsa (Brayko), 1923–1924 gg.* [The record of the educationist (Brayko) 1923–1924]. Fund r–87. List 1. File 590.

Russian State Historical Archive of the Far East (RGIA DV). (1923–1924b) *Godovoy otchet zaveduyushchego Suchanskoy shkoly, 1923–1924 gg.* [The annual report of the head administrator of Suchanovskaya school for 1923–1924]. Fund r–87. List 1. File 249.

Russian State Historical Archive of the Far East (RGIA DV). (1925a) *Sovet po prosveshcheniyu natsional'nostey ne russkogo yazyka pri kollegii Narkomprosa, 1925* [The Council on Enlightenment of Non-Russian Speaking Nationalities at the Collegiate of People's Commissariat, 1925]. Fund r-87. List 1. File 816.

Russian State Historical Archive of the Far East (RGIA DV). (1925b) *V Dal'nevostochnoe kraevoe soveshchanie zavono, okt. 1925 g.* [The Fifth Regional Meeting of the heads of Education Departments, October 1925]. Fund r-87. List 1. File 305.

Russian State Historical Archive of the Far East (RGIA DV). (1926b). *Postanovlenie po voprosu o rabote po narodnomu obrazovaniyu sredi ukrainskogo naseleniya, iyun' 1926.* [Decree on the work on public education among the Ukrainian population, June 1926]. Fund r-2413. List. 2. File 29.

Russian State Historical Archive of the Far East (RGIA DV). (1927). *Dal'kraykom VKP(b) ot zaveduyushchego Dal'nevostochnym kraevym otделom narodnogo obrazovaniya, 20 aprelya 1927 g.* [The Far East Committee of the VKP (b) from the head of the Far Eastern Regional Department of Public Education, April 20, 1927.]. Fund r-2413 List 2. File 152.

Stryuchenko, I.G. (1998) *Kul'turnoe stroitel'stvo i razvitie kul'tury na Dal'nem Vostoke Rossii (oktyabr' 1917–1922 g.)* [Cultural construction and the development of culture in the Russian Far East (October 1917–1922)]. In: Mukhachev, B.I. et al. *Dal'niy Vostok Rossii v period revolyutsiy 1917 g. i grazhdanskoй voyny* [The Russian Far East during the revolutions of 1917 and the Civil War]. Vladivostok: RAS. pp. 112–154.

Наумова Наталья Ивановна – доцент кафедры истории и документоведения исторического факультета Национального исследовательского Томского государственного университета (Россия).

Naumova Natalia – Tomsk State University (Russia).

E-mail: tomnin@yandex.ru